

УДК 39.396.5

ВОРОНЕЖСКОЕ УЧАСТИЕ В УТВЕРЖДЕНИИ ЖЕНСКОГО МОНАШЕСТВА В ЮЖНЫХ ОБЛАСТЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)¹

КИРИЧЕНКО Олег Викторович,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник,

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

АННОТАЦИЯ. В статье обращается внимание на важную специфику цивилизационного процесса, связанного с распространением новых женских православных монастырей в южных областях Российской империи. Эта особенность заключается в активном участии представительниц Воронежского региона в этом процессе. Миссионерское движение шло снизу и потому включало в себя ряд естественных противоречий, и в качестве итога – не всегда успешные результаты. Тем не менее народный характер монастырской колонизации позволил воронежцам закрепиться на Кубани и принести туда не только церковную, но и самобытную хозяйственную и художественную традиции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: женское православное монашество, подвижничество, воронежская традиция, миссионерство.

VORONEZH PARTICIPATION IN THE APPROVAL OF FEMALE MONASTERY IN THE SOUTHERN REGIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE (SECOND HALF OF THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY)

KIRICHENKO O. V.,

Dr. Hist. Sci., Chief Researcher,

The Institute of Ethnology and Anthropology RAS

ABSTRACT. The article draws attention to the important specifics of the civilization process associated with the spread of new female Orthodox monasteries in the southern regions of the Russian Empire. This feature is the active participation of representatives of the Voronezh region in this process. The missionary movement came from below and therefore included a number of natural contradictions and, as a result, not always successful results. Nevertheless, the national character of the monastic colonization allowed Voronezh residents to gain a foothold in the Kuban and bring there not only a church, but also an original economic and artistic tradition.

KEY WORDS: Female Orthodox monasticism, asceticism, Voronezh tradition, missionary works.

В XVIII столетии, в послепетровское время начинается активное цивилизационное российское продвижение на Кавказ.

Составной частью этого процесса, как и в других направлениях действия (на восток, в Сибирь, на Запад) было деятельное монастырское участие в нем. Но в отличие от средневековой монастырской колонизации в XVIII–XIX вв. монастырское движение на новые земли осуществлялось преимущественно женскими силами, поскольку женское монашество проявляло в эти века особую подвижническую активность [1, с. 12–19].

Воронежская епархия, образованная в конце XVII в. (1682 г.) для церковного окормления огромной территории сыграла в этом случае особую роль [2, с. 21]. П. Никольский, отмечал, что святитель Митрофан – первый епископ на новой кафедре – действовал в духе решений Московского церков-

ного собора 1681–1682 гг. Одно из соборных постановлений гласило: «Женского пола, которые бесчинно постригались вне монастыря, в домах своих и теперь ходят по мирским домам и садятся по улицам и переулкам, просят милостыню, для таких старец каждый архиерей должен построить по монастырю, насчет (за счет) какого-нибудь мужского монастыря с вотчинами (потому что девичьих монастырей мало с вотчинами и прокормиться без вотчин в монастырях нечем), и выбрать к ним из женщин стариц добрых, кому над ними начальствовать» [3, с. 3]. Следует признать, что и государственная власть в лице великого реформатора Петра I проявляла к монастырям, в том числе женским, особую строгость [4, с. 90–91].

На женские монастыри в их новом значении (многолюдных общежительных центров, в которых развивались разные формы социальной деятельности: школы, больницы, богадельни) начинает обращать внимание уже первый воронежский архипастырь святитель Митрофан Воронежский (1682–1703). Он устраивает новый – Знаменский – женский монастырь в Ельце из немалого числа городских черничек, заботится о Воронежском Покровском монастыре, переносит его на новое место [5,

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

© Кириченко О.В., 2020

Информация для связи с автором:
kirichenko.oleg.1961@mail.ru

с. 463]. При нем устанавливается тесная церковная связь казаков Войска Донского и Воронежской земли. Воронежские монастыри активно посещались паломниками с Дона, и этот опыт в значительной степени повлиял на принятие решения казаками открыть собственную женскую обитель.

Первым женским монастырем на Дону стал Усть-Медведицкий монастырь, бывший мужской. Подобные преобразования также можно отнести к знамениям нового времени, когда монашеская жизнь в мужских монастырях нередко приходила в упадок, а аскетические настроения среди молодых женщин, находясь на подъеме, требовали реализации. Однако женских обителей не хватало, а возможности туда попасть были ограничены. Наступало новое время создания многолюдных женских монастырей по всей России и молодая Воронежская епархия не только сама находилась в русле этого процесса, но и стала метрополией для передачи опыта дальше на юг.

Начало новому Усть-Медведицкому монастырю дало большое общество черничек – казачек (вдов и девушек) – пожелавших жить монашеской жизнью. В станице Сиротинской образовалось целое общество черничек, получившее название «сиротинское девичье собрание». Его опекал известный на Дону «ревнитель православия», миссионер дьякон Василий Михайлов. Получив в лице дьякона Василия Михайлова опекуна общины, сестры собрания просили его быть ходатаем перед епархиальным архиереем (святителем Тихоном Задонским), чтобы им было разрешено основать монастырь. Дьякон Василий написал устав (правила) для девиц и показал его свт. Тихону. Тот ответил письменно: «Сие наставление и пункты душеполезные суть и потому достойны прочтения и внимания. Сего ради советуем вам от души житие чистое, оныя с усердием прочитывать и им внимать и по наставлению их нравы и житие свое исправлять, да будете достойны чертога Небесного Жениха Христа. Молю же вас и я: поминайте мене, о юные голубицы в святых ваших молитвах. Смиранный и грешный Тихон, епископ бывший Воронежский и Елецкий. 1779 г. июня 20 дня. Задонский монастырь» [6, с. 64]. Первой игуменьей стала 2 февраля 1801 г. Мария Карпова, постриженная в Воронежском Покровском девичьем монастыре и там же получившая игуменский жезл. Усть-Медведицкий монастырь открыл дорогу всем остальным донским монастырям, возникнувшим позже: Старочеркасскому Ефремовскому общежительному во имя Донской Божьей Матери монастырю (1837 г.), Бекреневскому Николаевскому общежительному монастырю, Параскево-Николаевскому общежительному монастырю в имении «Отрадное».

Кроме уже упомянутых святителей Воронежских Митрофана и Тихона на первом этапе утверждения новых многолюдных женских монастырей, возникавших в Черноземье по инициативе самих верующих, можно назвать имя Тамбовского святителя Питирима (1685–1698), собеседника свт. Митрофана. Тамбовская и Воронежская епархии были образованы в один год [7, с. 11]. По инициативе святителя Питирима в Тамбове в 1690 г. был открыт первый в епархии Вознесенский женский монастырь, также как и Воронежские монастыри имевший большое значение не только для тамбовского региона, но и шире. Отсюда, в Воронежскую епархию в 1881 г. прибыла начальница Таволжанской общины монахиня Серафима (Соловьева) с че-

тырьмя тамбовскими сестрами [8, с. 5]. Община к началу XX в. была преобразована в Казанский Таволжанский монастырь – один из крупных монашеских центров Воронежской земли. В 1894 г. игуменья Серафима благословила отправиться в Кубанскую область нескольких своих монахинь на создание новой общины, ставшей потом монастырем.

На этом случае остановимся подробнее, поскольку здесь наиболее ярко проявилось участие воронежцев в создании новой монашеской обители в другом регионе. Важно рассмотреть, как сам механизм передачи опыта на новом месте, так и все обстоятельства, в которых происходило учреждение монастырей. Судя по сохранившимся документам, все началось со сбора милостыни для Таволжанского монастыря монахиней Архелай², которая, находясь на Кубани в начале 1890-х гг., познакомилась с богатой вдовой Войскового старшины Анной Алексеевной Радченковой, жившей в своем имении (юрте) в станице Динской. Вдова, снабжая милостыней монахиню Архелаю, высказала ей сердечное желание устроить на своих землях женскую обитель. Монахиня помещице понравилась твердостью характера, солидным возрастом и, очевидно, горячностью в вере. Таволжанская игуменья Серафима была не против отпустить Архелаю для создания благого дела, поскольку и сама прошла такой путь, будучи приглашенной из устроенного Тамбовского монастыря в неустроенную Воронежскую общину.

Далее все участники начали действовать в соответствии с формальными правилами, юридически и церковными. А.А. Радченкова оформила на монахиню Архелаю завещание, в котором ее земля в размере 120 десятин передавалась в руки монахини, с обязательствами «устроить на участке женского монастыря с молитвенным домом» [9, л. 9]. Помещица со своей стороны обязалась выделить средства на строительство молитвенного дома. Архелае нужно было не только стать собственницей земли, но и узаконить свое церковное положение в новой епархии, поэтому она пишет прошение на имя епископа Ставропольского Агафодора о перемещении ее из Таволжанского монастыря в Ставропольский Иоанно-Мариинский. Судя по дальнейшим событиям, монахиня Архелая заранее продумала, как она будет действовать в ситуации, когда понадобится деятельная поддержка в Ставрополе в момент принятия архиерейского решения о перемещении ее на новое место. В Ставрополе служил долгие годы заслуженный протоирей Феодор Поспелов, выходец из Воронежской земли, с 1879 г. монастырский священник [10, л. 4–5; 11, л. 90 об.]. Возможно, было его участие в судьбе монахини Архелай, как землячки, но более очевидно другое. В Ставропольском Иоанно-Мариинском монастыре, где Архелая, как сборщица средств, не раз останавливалась, она нашла себе покровительницу в лице монахини Архелай (Ращупкиной), письмоводительницы (с 1886 г.), казначей (с 1896 г.) и позже игуменьи (с 1908 г.) Иоанно-Мариинского монастыря [12, с. 273–297]. Было ли совпадением их общее

² Архелая (в миру Домна Андреева, 1836 г. р., умерла после 1905 г.). Из мещан, обучалась чтению и письму в доме родителей; поступила в Таволжанский Казанский монастырь 15 января 1885 г. и в том же году 5 октября была пострижена в монашество; в 1895 г. перемещена в Ставропольский Иоанно-Мариинский монастырь, откуда вернулась в Таволжанский монастырь в 1898 г., где проживала до смерти и пользовалась пенсионом от Ставропольского Покровского монастыря.

монашеское имя или нет, вопрос непроясненный, неслучайность в совпадении редких имен скорее указывает на закономерность этой связи. Тем более, что сразу после решения формальных юридических установлений монахиня Архелая повела себя предельно властно и жестко по отношению ко всем своим подчиненным – сестрам-общинницам и даже благодетельнице А.А. Радченковой, так что той пришлось обратиться в суд, чтобы дезавуировать свою дарственную. Горячность веры монахини Архелая в условиях ее полновластия (и недостаточности аскетического опыта) также обернулась экзальтацией, излишней резкостью и чуть ли не нарочитым кликушеством за богослужением, что отмечали во время проведения консисторского следствия опрашиваемые общинницы. Словом, обнаружили вещи, которые указывали на духовную монашескую малоопытность начальницы новой Покровской общины. Ее внешний аскетизм и честность, явленные в послушании сборщицы, а также перенесенные ею в этот период невзгоды, как и ее твердый характер, оказались недостаточными для новой должности. И хотя Архелая письменно поддержала ее прежняя начальница игуменья Серафима, настоятельница Таволжанского Казанского монастыря, но среди сестер-общинниц и среди благотворителей общины мнение об Архелая было однозначно: она груба, несдержана, самовластна, нехозяйственна, неспособна руководить монашеским сообществом.

При этом среди сестер из числа воронежцев выдвинулась другой лидер – общинница Татьяна Кончакова³, приглашенная самой Архелаяй в 1895 г. из Таволжанского монастыря [13, л. 1]. Таволжанская игуменья Серафима (Соловьева) в письме к ставропольскому владыке Агафодору пыталась отстоять право «старшей монахини» Архелаяй действовать в соответствии со своей волей. При этом, на запрос владыки она не могла сказать ничего плохого о послушнице Татьяне Кончаковой, проходившей в Таволжанском монастыре послушание рукоделия [9, л. 144]. В ситуации с Архелаяй ее волновало нарушение субординации между молодой Татьяной Кончаковой и пожилой монахиней Архелаяй [9, л. 145]. Однако на месте ситуация для всех участников этой истории была более ясной и определенной, поэтому и сама Архелая, не найдя себе поддержки ни от кого в Ставрополе, посчитала более полезным для себя мирно закончить возникшее противостояние. Она согласилась вернуться в Таволжанский монастырь с тем условием, что Покровская община будет ежегодно выплачивать ей пенсию в 120 рублей. После этой договоренности благодетельница А.А. Радченко отозвала свой иск из суда на возвращение ей дарственной земли, с

закреплением этой земли за новой начальницей неофициальной общины Татьяной Кончаковой.

Мирная жизнь в общине наладилась. 2 сентября 1899 г. Синод утвердил официально существование Покровской общины, назначив ее начальницей послушницу Татьяну Кончакову [9, л. 168]. Как только это произошло, так сразу начальница общины пожертвовала общине (т.е. в церковную собственность) переданную ей А.А. Радченко землю, как и хотела того благодетельница. В 1903 г. община решением Синода была преобразована в общежительный монастырь [9, л. 103–103 об.]. Начальница общины была пострижена в монашество с именем Рафаилы, через несколько лет получив игуменское звание. К 1903 г. кроме молитвенного дома здесь уже был почти выстроен новый каменный храм, совершалось ежедневное богослужение, стояли пять корпусов для сестер, двухэтажный трапезный дом, работало училище для детей, функционировала ветряная мельница, везде «царили образцовая чистота и опрятность». Процветали пчеловодство, садоводство, рукоделие, хлебопашество, имелся обширный хозяйственный двор с лошадьми, коровами и овцами. Начальница общины пригласила бывшую начальницу общины Архелая, проживавшую в Таволжанском монастыре, вернуться в Покровский монастырь, потому что обители тяжело было платить ежегодные 120 рублей пенсии. Но Архелая отказалась, и ее пенсия была уменьшена до 60 рублей.

Судя по составу насельниц общины на 1897 г., критический для нее, место происхождения сестер было самое разное. Только восемь человек из 62 прибыли из Воронежской епархии, все молодого и среднего возраста, до 35 лет. Все они, за исключением Архелая, Сергия и Татьяны Кончаковой, прибыли в 1896–1897 гг. [9, л. 70–71 об.]. Игуменья Рафаила (Кончакова) продолжала руководить монастырем до самой революции 1917 г. Стоит отметить и еще один вектор движения, связанный с этой обителью. С 1903 г. Покровская община имела подворье в Екатеринбурге [9], а это значит, что туда, в Пермскую губернию, направился импульс дальнейшего развития и почкования.

Интересно проследить судьбу еще одной монахини Покровского монастыря Екатерины (Макаровой), крестьянского происхождения, прибывшей сюда из Воронежской губернии в 1892 г. и ставшей сначала послушницей Ставропольского Иоанно-Мариинского монастыря. Она была выдвинута и настоятельницей, и владыкой Агафодором, когда встал вопрос о создании в епархии новой общины, организованной на месте древнего, византийского времени храма. Данная инициатива была вполне в духе времени, когда на Кавказе Русская Православная Церковь по инициативе русских афонцев стала активно реанимировать древние храмы. Чтобы эти древние (большой частью X–XI вв.), разбросанные по Кавказу храмы ожили, нужно было не просто отреставрировать их, но надо было возобновить в них богослужения. Это было возможно сделать только силами монастырей. Спасо-Преображенский женский монастырь и возник в 1897 г. примерно в трех верстах от древнего Сентинского храма, у входа в одноименное ущелье. На ближайшем расстоянии от храма находился только карачаевский аул, поэтому постоянной материальной поддержки не ожидалось. На энергичную монахиню Екатерину была возложена трудная миссия: не только строить монастырь (древний храм

³ Татьяна Федоровна Кончакова (1862 г. р.), девица, уроженка Тамбовской епархии, обучена в доме родителей-крестьян чтению, письму и рукоделиям, послушница Таволжанского Казанского монастыря, здесь одета в рясофор в 1889 г.; в Таволжанском монастыре проходила послушание певчей и рукодельницы; с 1895 г. общинница, заместитель начальницы Покровской общины в Ставрополе; в 1902 г. пострижена в монашество с именем Рафаила, в 1908 г. утверждена игуменей Покровского монастыря. Имела награды: в 1901 г. за усердное отношение к обязанностям получила от епархиального архиерея благословение с грамотой; в 1907 г. – благословение Св. Синода; в 1908 г. – благословение от правящего архиерея за заботу о порядке и благоустройстве обители; в 1910 г. награждена наперстным крестом ко дню рождения Его императорского величества.

начали восстанавливать с 1891 г., до ее назначения, и освятили в 1895 г. [14, л. 1]), но и устанавливать мирные, доброжелательные отношения с мусульманами. Последнее оказалось наиболее трудным. Три года пробыла монахиня Екатерина настоятельницей, потом ее с 11 октября 1900 г. заменили на монахиню Раису из-за «беспорядков, соблазняющих мусульманское население, и неспособности руководить сестрами» [15, л. 22]. Несколько сохранившихся ее рапортов и прошений на имя епархиального архиерея отражают действительно непростую и нередко драматичную ситуацию вокруг монастыря. Монастырь бедствовал, не хватало денег на строительство храма, жилых помещений, хозяйственных построек, не было выделено квот на вырубку леса для заготовки дров. Доведенная до отчаянья настоятельница начала тайно вырубать лес, за что тут же была наказана штрафом. В рапорте 1898 г. в Ставропольскую Духовную консисторию она пишет, что монастырю приходится содержать священника, чтобы службы шли каждый день (литургия три раза в неделю и в воскресенье), но средств на устройство училища для детей у нее нет; если консистория даст эти средства, она готова открывать училище, хотя атаман Отдела просит ее не строить училища, а лучше создать пансион для карачаевских девочек для обучения их грамоте и рукодельям. Нравственно и физически измученная настоятельница переходит в последних строках рапорта на резкий тон, причем как в отношении церковной власти, так и в отношении государственной: «Дайте мне вперед монастырь устроить, у нас нету настоящей трапезной, нету как следует устроенных келий». Далее она говорит, куда уходят последние деньги: недавно пришлось заплатить для Петербурга за сверхсрочное указание снять земельный план в сжатые сроки; план сняли, «теперь я сижу и жду от Великого нашего Государя Императора Великой милости» [16, л. 14–14 об.]. Такой резкий тон был, конечно, воспринят как вызов. Не учитывалось ни крайне сложная обстановка вокруг монастыря, связанная с агрессивными нападками на сестер со стороны местных жителей; постоянное воровство и даже грабеж, угрозы жизни и здоровью. Монахиню Екатерину сняли с должности и отправили в Черноморский монастырь той же епархии, «с подчинением ее строгому контролю игуменье». Данный монастырь специализировался на содержании православных женщин, совершивших духовные проступки.

Но, очевидно, монахиня Екатерина, с ее кипучей энергией и отсутствием хорошей монашеской школы послушания, не смогла стерпеть формальной несправедливости и попыталась (и не один раз) реализовать то, что ей не дали сделать (или ей не удалось) в Сентинском монастыре. Ей представилась возможность весной 1910 г. возглавить новую (Иверско-Никольскую) женскую общину в Ростове, устраиваемую «во здравие царствующего императора Николая Александровича и государыни Александры Федоровны», и она ухватилась за нее, но безуспешно. Ею так и не было получено официального разрешения покинуть обитель, и монахиня Екатерина уехала самовольно. После возвращения в епархию, она была отправлена в другой епархиальный монастырь (Покровский) под особый надзор настоятельницы, «как грубая и непокорная». В

1911 г. монахиня опять самовольно уехала, теперь уже в Воронежскую епархию и там нашла возможность начать новое строительство монастыря. В деревне Клеповке Павловского уезда она стала восстанавливать «древний храм» с тем, чтобы здесь в дальнейшем устроить женский монастырь. Отсюда, из Клеповки, в начале 1916 г. Синодальной канцелярией в Санкт-Петербурге и было получено прошение от монахини Екатерины (Макаровой), которой в 1916 г. шел уже 71 год, касающееся устройства новой обители. Между столицей и Ставрополем (где числилась Екатерина) началась переписка официальных лиц. Когда обер-прокурор В.К. Саблер получил от архиепископа Воронежского Агафодора исчерпывающие объяснения, в которых портрет монахини рисовался сугубо в негативных тонах, Синод принял решение отрицательно ответить на запрос монахини Екатерины Макаровой. Дальнейшая ее судьба, исходя из возможностей официальной документации, нам неизвестна.

Подытоживая тему, подчеркнем: в Краснодарском крае (включая и нынешнее Ставрополье, и Черноморское побережье) можно выделить два потока миссионерских инициатив, направленных к нему или с севера (из Воронежской губернии) или с северо-запада (с восточных районов Украины, с Полтавщины). Более сильным и действенным был второй поток, украинский. Два самых ранних (1840-х гг.) и ведущих впоследствии монастыря региона (Ставропольский Иоанно-Маринский и Черноморский Магдалинский) возникли в основном на базе монашеских сил из Полтавской губернии. Единственной обителью в Краснодарском крае, основанной воронежцами, может считаться вышеупомянутая Покровская (сначала как община, потом как общежительный монастырь). К началу революции 1917 г. игуменья Рафаила продолжала стоять во главе монастыря, а весь монастырский актив (казначей, благочинная, письмоводитель и др.) состоял из воронежцев. Рядовых монахинь из Воронежской губернии здесь было немного, около десяти человек (при общем числе в несколько сот насельниц), что указывало на избирательный характер воронежского сестричества. Из родных мест приглашались только надежные и проверенные люди.

Приведенные два примера организации новых обителей насельницами из Воронежских монастырей относятся к двум нередким случаям, они свидетельствуют о некоей стихийности процесса организации новых монастырей, и в этой народной стихийности были свои минусы и плюсы. Уезжали на новые, неустроенные места самые энергичные (хотя и порой без должных монашеских навыков послушания), самые яркие и деятельные представители монастырей, люди с подвижническими намерениями, что и принесло, в конечном счете, успех одной из групп. Воронежцы также познакомили Краснодарский край с культурой своего региона: хозяйственной, народно-художественной и даже сословно-художественной (мещанско-крестьянской) и бытовой, обиходной. Особенно это ярко отражалось в рукодельном мастерстве, процветавшем в Покровской обители. Успех одного – Покровского – монастыря говорил о многом; росток воронежского миссионерства принял на другой земле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кириченко, О. В. Женское православное подвижничество в России. XIX – середина XX вв. [Текст] / О. В. Кириченко. – Алексеевская пустынь, 2010.
2. Глазьев, В. Н. Первый епископ Воронежский [Текст] / В. Н. Глазьев // Воронежские архипастыри. Историко-биографические очерки. – Воронеж, 2003.
3. Поликарпов, Н. Святитель Митрофан, епископ Воронежский в Ельце и основанный им Елецкий девичий монастырь [Текст] / Н. Поликарпов. – Воронеж, 1882.
4. Кириченко, О. В. Дворянское благочестие. XVIII век [Текст] / О.В. Кириченко. – М. : Паломникъ, 2002.
5. Иеромонах Геронтий. Историческое описание Елецкого Знаменского монастыря. Что на Каменной горе [Текст] / Иеромонах Геронтий. – Елец, 1895.
6. Правдин, Д. Исторический очерк Усть-Медведицкого Спасо-Преображенского Девичьего монастыря Донской области [Текст] / Д. Правдин. – Ярославль, 1885.
7. Кученкова, В. Святыни Тамбовской епархии [Текст] / В. Кученкова. – М. : Изд. Отдел Московского Патриархата, 1993.
8. Описание Казанского Таволжанского женского монастыря [Текст]. – Б.м., 1889.
9. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). – Ф. 135. – Оп. 53. – Д. 409.
10. ГАСК. – Ф. 135. – Оп. 54. – Д. 307.
11. ГАСК. – Ф. 135. – Оп. 44. – Д. 805.
12. Кириченко, О.В. Настоятельницы Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря [Текст] / О.В. Кириченко // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: вопросы источниковедения и историографии : материалы VII Международных Свято-Игнатиевских чтений. г. Ставрополь, 12 мая 2015 г. – Ставрополь, 2017.
13. ГАСК. – Ф. 135. – Оп. 75. – Д. 211.
14. ГАСК. – Ф. 135. – Оп. 66. – Д. 672.
15. ГАСК. – Ф. 135. – Оп. 70. – Д. 845.
16. ГАСК. – Ф. 135. – Оп. 48. – Д. 307.